

18+

Дарья Щедрина

УБИИТЕЛЬ

Еву

УЧАСТНИК ФЕСТИВАЛЯ
«КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ - 2018»

Дарья Щедрина

Убить Еву

«Издательские решения»

Щедрина Д.

Убить Еву / Д. Щедрина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906908-5

Произошло убийство ученого-генетика. Следователь Ракитин, расследуя это преступление, приезжает в затерянный среди густых лесов, спрятанный за высоким забором и шлагбаумом научный городок. И выясняется, что убийство — это всего лишь одно звено в цепи странных, необъяснимых событий, обрушившихся на генетическую лабораторию доктора Разумовского. Чем же занимаются сотрудники этой лаборатории? Что за эксперименты проводят ученые-генетики за высоким забором и шлагбаумом?..

ISBN 978-5-44-906908-5

© Щедрина Д.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Происшествие в раю	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Убить Еву

Дарья Щедрина

© Дарья Щедрина, 2020

ISBN 978-5-4490-6908-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Происшествие в раю

Глава 1

– Раны нанесены острым колюще-режущим предметом, предположительно ножом. Ширина лезвия около 2,5 сантиметров. А вот эта рана была смертельной, – рука судмедэксперта в голубой латексной перчатке указала на поперечный разрез чуть выше пупка убитого. – Ровнехонько перпендикулярно проекции брюшной аорты!

– Думаешь, Лёня, убийца знал, куда бить? – поинтересовался следователь, склоняясь над распростертым посреди коридора телом мужчины в белой рубашке и темных брюках. Пятна крови на рубашке образовывали странный зловещий узор.

– Похоже на то, – кивнул эксперт, ползая на коленях вокруг тела, и посмотрел на следователя Ракитина снизу вверх, – по крайней мере, анатомию он знал.

– А зачем тогда еще три не смертельных удара нанес? – Ракитин, полноватый человек в возрасте за пятьдесят, достал носовой платок и промокнул покрытую потом лысину. Август в этом году выдался жарким. А в небольшой квартирке от толпившегося народа, полицейских, криминалистов, экспертов было не продохнуть.

– Может, он был в состоянии аффекта? Не смог сдержать эмоции?

– Или хотел, чтобы мы подумали о состоянии аффекта! – вмешался в разговор молодой практикант Володя Хлебников.

Андрей Ильич Ракитин одобрительно глянул на своего помощника. Этот маленький щупленький паренек ему нравился, а чем, – он затруднялся сказать. Может, тем, что был шустрым и организованным? Может, безудержным полетом фантазии, который он не пытался скрывать перед маститым наставником? А может, просто азартным блеском в глазах, что свидетельствовал о неравнодушии и любви к профессии?

– Не исключено... Сходи-ка ты, Володя, на кухню и посмотри ножи. Нет ли там, случайно, орудия убийства? Лезвие шириной два с половиной сантиметра.

– Хорошо, Андрей Ильич, – практикант умчался на кухню.

Судмедэксперт поднялся с пола и стал стягивать с рук перчатки.

– Смерть наступила между 16.00 и 16.30. Остальное скажу после вскрытия. Труп можно увозить?

Ракитин кивнул и подал знак двум мрачным мужикам в темно-синей спецодежде. Те стали быстро упаковывать труп в мешок. А Андрей Ильич с какой-то непонятной грустью смотрел, как исчезает под черным полиэтиленом красивое, породистое лицо жертвы. Кочетов Юрий Алексеевич, 47 лет от роду, был благородно красив. Такие типы нравятся женщинам вне зависимости от возраста. Серебристые проблески седины на висках только прибавляли ему шарма. «А не замешана ли тут женщина?» – подумал следователь. Он был человеком интуитивным и по опыту знал, что стоит прислушиваться к своим даже самым невероятным предчувствиям.

На пороге комнаты возник Хлебников.

– На кухне несколько чистых разномастных ножей, – бодро отрапортовал он, – но с шириной лезвия 2,5 сантиметра нет. В ящиках и мусорном ведре орудие убийства не обнаружено.

– Ясно, Володя, ясно, – задумчиво бормотал Ракитин, осматривая комнату, словно ожидая какой-то подсказки. Но комната была самой обыкновенной: удобство, комфорт и холостяцкий аскетизм.

– Дверной замок без следов взлома, – докладывал практикант, – значит, хозяин квартиры сам открыл дверь убийце. Либо он знал убийцу, либо тот не вызвал у него никаких подозрений.

Убийца нанес удар сразу, едва войдя в квартиру, то есть был готов к убийству, планировал его заранее.

– А как же состояние аффекта, о котором говорил судмедэксперт? – Андрей Ильич с любопытством посмотрел на Хлебникова.

– А не было никакого аффекта. Было четко спланированное убийство, замаскированное под аффект.

– Ты так думаешь? – следователь задумчиво почесал указательным пальцем кустистую бровь. – Ну, а как тебе такой вариант: убийца и жертва были хорошо знакомы. Никто никого не планировал убивать. Но возникла ссора, и в процессе выяснения отношений убийца схватил нож и, впад в состояние аффекта, нанес несколько ударов в живот жертве, один из которых случайно оказался смертельным, потому что перерезал брюшную аорту.

– Случайные удары не бывают столь идеально перпендикулярными к проекции сосуда.

– Бывают, друг мой, бывают! Но мы все-таки не будем гадать на кофейной гуще, а будем расследовать это странное убийство по всем правилам. Поищи-ка ты, Володя, орудие убийства. А я пойду поговорю со свидетелями.

Следователь и молодой практикант направились к выходу.

– Мусоропровод, урны на улице в окрестностях подъезда, дворовая помойка? – Хлебников полувопросительно глянул на своего наставника.

– Именно, Володя. Будем надеяться, что наш убийца поспешил избавиться от орудия преступления где-то поблизости.

Практикант бросился выполнять поручение начальника с такой прытью, будто копаться в мусорных кучах ему доставляло удовольствие. А Ракитин не торопясь вышел на улицу, где возле подъезда толпились соседи погибшего.

Тревожное гудение маленькой толпы нарушало гармонию теплого августовского вечера с тонкими ароматами цветов, доносящихся с богатых клумб под окнами первого этажа, с тихим умиротворяющим сиянием солнечных лучей, уже прячущихся за высокие крыши соседних домов. На скамейке возле подъезда сидели три пожилые дамы, а вокруг них, обсуждая ужасное происшествие, толпились более молодые соседи.

– Разрешите пройти, – вежливо, но твердо попросил Ракитин и протиснулся к скамейке, – я следователь Ракитин Андрей Ильич. Кто из вас первым обнаружил труп?

– Я! – со скамейки вскочила пухленькая старушка, прижимая к груди йоркширского терьерчика с бантиком на макушке. Седые, с фиолетовым оттенком кудряшки выбивались из-под соломенной шляпки дамы. – Вернее, не я первая обнаружила труп, но я вызвала полицию.

– А кто обнаружил первым?

Андрей Ильич выразительно посмотрел на притихших соседок, и ему тут же уступили место на скамейке. Он сел, с облегчением вздохнув, и подумал, что август все-таки лучше проводить за городом, в деревне, чтобы утреннюю зорьку встречать с удочкой на речке, а вечером отдыхать в тенечке под раскидистым кустом, наслаждаясь теплом и покоем. Следователь Ракитин уже несколько лет собирался выйти на пенсию, мечтал об этом восторженно и отвлеченно, но все не выходил, оттягивал. Вернувшись с фантазийных высот на землю, он не мог себе представить, как же будет жить без своей работы. То пространство в душе, что сейчас было заполнено любимым делом, при выходе на заслуженный отдых грозило превратиться в огромную черную дыру, заполнить которую скромными пенсионными развлечениями не представлялось возможным.

– Труп обнаружил мальчишка-подросток, – ответила дамочка в соломенной шляпке, основательно усаживаясь рядом со следователем. Остальные соседи деликатно отошли в сторону.

– Что за подросток? И где он?

Старушка pokrutila головой по сторонам и пожала пухлыми плечиками.

– Обыкновенный подросток. Лет тринадцать-четырнадцать, в рваных на коленках джинсах, в какой-то бесформенной футболке и красной кепке, спортивной кепке с золотыми буквами наверху. Он подсел ко мне, когда я тут гуляла с Тобиком. Тобик – это мой йорк!

Она протянула Ракитину собачонку, будто именно йорк был главным свидетелем убийства. Пес взглянул на следователя замученным взглядом и высунул маленький розовый язык. «Жарко тебе, бедолага», – подумал Андрей Ильич с сочувствием.

– А вас как зовут? – спросил он даму и вытащил свой рабочий планшет.

– Варвара Степановна Бессонова. Я живу на пятом этаже в 312-ой квартире. Каждый вечер гуляю с Тобиком здесь, на этой скамейке. Понимаете, у меня суставы больные. Долго ходить не могу. Мы с Тобиком пройдемся вокруг дома, а потом на лавочке сидим, свежим воздухом дышим. Тут к нам и подсел этот мальчишка. Стал расспрашивать меня про собаку, играл с Тобиком. А тот и рад! Так хвостом крутил, что я думала, хвост оторвется. Тобик любит, когда с ним играют... – женщина ласково потрепала пса за ушами.

– Варвара Степановна, – попросил следователь, – давайте ближе к делу. Как зовут этого подростка?

– Понятия не имею. Я не спрашивала.

– Так вам он не знаком?

– Нет. Я его первый раз видела. Он сказал, что ждет приятеля. А в нашем подъезде много молодежи живет. Знаете, как включают эту свою жуткую музыку, так по ушам бьет, хоть из дома беги! Они же, молодые, не понимают, что нам, старикам, тяжело такое слушать. Эгоистичная нынче пошла молодежь, вы не находите?

– Прошу прощения, Варвара Степановна, все-таки ближе к делу! – умоляюще произнес Ракитин.

– Да-да, конечно... В общем, мы с ним посидели какое-то время, мальчик этот с Тобиком играл. Потом из подъезда выбежала дама в растрепанных чувствах и побежала к автобусной остановке.

Ракитин оторвался от записей в планшете и внимательно посмотрел на старушку.

– Что значит «в растрепанных чувствах»?

– Ну, взвинченная такая, нервная... Стрелой мимо нас пронеслась, будто убегала от кого-то, прижимая объемную сумку к груди. Ну, парнишка этот встал и сказал, что придется ему, видимо, приятеля поторопить, а то тот заснул, наверное. Пошел в подъезд. Дверь-то по случаю жары весь день нараспашку открыта. Спустя несколько минут я услышала жуткий крик. Это подросток этот шел мимо квартиры убитого, увидел открытую дверь, заглянул, а там... ну, вы сами знаете.

– То есть труп первым увидел этот мальчик? – уточнил Андрей Ильич.

– Да. Ну, а когда он крик-то поднял, я подхватила Тобика и сама побежала на третий этаж. Из квартир уже выглядывали соседи. В общем, такой шум поднялся! Ну, а я сразу в полицию звонить стала. – Дама подняла подкрашенную карандашом бровь с таким видом, словно ожидала от следователя похвалы.

– А к кому приходил этот мальчик? – спросил Андрей Ильич, тыкая коротким пухлым пальцем в экран планшета.

– Я не спросила. А когда я увидела труп... У меня сразу давление подскочило, сердце так и застучало, заколотилось в груди. Я думала, сейчас гипертонический криз будет! А лекарства-то у меня все в квартире на пятом этаже.

– Да, понимаю вас. А куда потом делся этот мальчик? Мне бы с ним поговорить, – следователь посмотрел по сторонам в надежде отыскать среди толпящихся соседей красную спортивную кепку с вышитыми золотыми буквами.

– Не знаю, – пожала плечами дама, – наверное, так разволновался, что не стал дожидаться полицию, ушел.

– Так, а эту женщину «в растрепанных чувствах» вы знаете?

– Знать – не знаю, а пару раз видела. Она к убитому как раз и приходила. Я видела их вместе.

Ракитин насторожился и посмотрел в глаза свидетельницы внимательно, пристально.

– Во сколько она выбежала из подъезда?

– Не знаю. Я часы не ношу. На пенсии, знаете ли, торопиться некуда. Мы с Тобиком гуляем, пока не надоест. А когда погода хорошая, так полдня на этой скамейке проводим.

Ракитин поднялся на ноги навстречу спешащему к нему Володе Хлебникову. По выражению лица практиканта он сразу понял, что орудие убийства не найдено.

– Андрей Ильич, ничего, – Володя виновато покачал головой.

– Володя, надо получить записи с камеры видеонаблюдения. Ведь у вас в подъезде есть видеонаблюдение? – уточнил он у старушки в соломенной шляпке.

– А как же! Конечно, есть. – Она бодро вскочила со скамейки, подхватив под мышку собаку, и предложила: – Хотите, я провожу вас к председателю нашего правления? Он вам сразу видеозаписи покажет.

Несмотря на ужасный контекст ситуации, Варвара Степановна чувствовала воодушевление. Оказаться главным свидетелем преступления – это не каждому дано! Будет, о чем рассказать подругам, а то все сериалы да сериалы. А тут самая что ни на есть настоящая жизнь!

Спустя пятнадцать минут Ракитин с Хлебниковым сидели перед экраном и смотрели запись с камеры видеонаблюдения. У председателя правления жилищного комплекса была выправка бывшего военного и полный порядок в делах. Он тут же прокрутил нужную запись и остановился на портрете выходившей из подъезда женщины. Картинка на экране была четкой, качественной и демонстрировала следователям женщину лет 35–40 с всклокоченными каштановыми волосами, заплаканными глазами и затравленным взглядом. «Действительно, – вспомнил Андрей Ильич меткий эпитет, – женщина в растрепанных чувствах!» Явно переживает всплеск негативных эмоций. Но самым интересным было то, что в правом нижнем углу экрана застыли цифры 16.12. Время совпадало с предположительным временем убийства.

Ракитин посмотрел на помощника.

– Ну что, Володя, надо разыскивать эту женщину.

– Шерше ля фам, как говорят французы! – усмехнулся практикант. – И тут без женщины не обошлось.

– Все-таки налицо состояние аффекта, друг мой, – заметил следователь. – Убийство в состоянии аффекта, как и предположил Леонид Валерьевич.

– Эта женщина, конечно, вся на нервах. Но не факт, что убийца именно она, – продолжал отстаивать свою точку зрения неугомонный практикант.

– Она выбегает из подъезда дома, где в это время происходит убийство ее знакомого, и ты думаешь, что она к нему не имеет отношения?

– Может, она как раз увидела убитого и пришла в ужас. Вот и вылетела из подъезда как сумасшедшая.

– Если бы она нашла труп, то вызвала бы полицию.

– В состоянии аффекта могла и не вызвать. Просто не подумала про полицию.

– Наблюдательная Варвара Степановна заметила бы, когда она входила в подъезд. Ладно, друг мой Володя, не будем тратить время. Нам нужно найти орудие убийства и эту незнакомку. Где работал наш пострадавший?

Выяснилось, что Юрий Алексеевич Кочетов работал в каком-то научном институте, что располагался за городом, километрах в 30. Ракитин подумал, что даже хорошо, что придется ехать за город. При такой жаре кондиционированный воздух в салоне машины был очень кстати.

Глава 2

Вольготно развалившись на заднем сидении машины, Андрей Ильич размышлял вслух о новом деле. А сидевший за рулем Володя продолжал спорить. И делал это так ненавязчиво, что обоим беседа доставляла удовольствие. Когда-то вот так же Андрей Ильич развлекался с сыном Степаном. Следователь приходил домой с работы и за ужином рассказывал вкратце о своем новом деле, которое вел, а Стёпка подкидывал ему версии вплоть до самых невероятных, как горячие пирожки, что выкладывала на обеденный стол его бывшая жена Маша. И всех троих накрывала словно теплым, уютным одеялом атмосфера любви и взаимопонимания.

Вот и Володя Хлебников невольно своими предположениями и возражениями будил в душе наставника отголоски давно забытого счастья. Послал же Бог в лице вышестоящего начальства Ракитину такого практиканта! «Вот натаascaю за год мальчишку, – с теплотой в душе думал Ракитин, – и можно будет думать о пенсии». Он не знал точно, когда соберется на пенсию, но мысли о спокойной беззаботной жизни посещали его регулярно. «Уеду за город, в деревню, поближе к земле, к истокам», – мечтал он как-то отвлеченно и возвышенно. Мечты о пенсии стали отдушиной для Андрея Ильича, когда сильно уставал или особо остро ощущал собственное одиночество. Но мечты – мечтами, а сейчас надо было раскрыть странное убийство.

– И кому понадобилось убивать ученого? И зачем? – произнес он вслух, глядя на стриженный затылок практиканта. «Вот и Стёпка мой так же коротко стригся когда-то», – подумал он не к месту.

– Да кому угодно! Да и причин может быть миллион, – ответил Хлебников, энергично крутя руль, – от банальной ревности до промышленного шпионажа.

– Промышленного шпионажа? Ну, это ты загнул, Володя. Какой еще промышленный шпионаж? – хмыкнул Ракитин. – Вот ревность – вполне подходящий мотив. Убитый был привлекательным мужчиной, холостым.

– Надо узнать, чем он занимался в этом своем институте. Может, был носителем гостайны? Иностранные шпионы за ним следили, вывели все, что им нужно, а потом убрали свидетеля.

– Тебе бы стать автором сценария очередной серии про Джеймса Бонда. Лихо придумываешь!

Если бы не навигатор, они бы проехали мимо нужного поворота с трассы. Узкая боковая дорожка неожиданно ныряла в лес. Хлебников снизил скорость почти до пешеходной, потому что дорожка еще и петляла, а за каждым поворотом ничего, кроме густых лесных зарослей, видно не было.

Вдруг за очередным поворотом перед ними возник пост охраны со шлагбаумом. Пришлось остановиться. На столбе видекамера уставилась на них своим круглым глазом. Из будки охранника нехотя вышел человек в камуфляже. Володя с состраданием наблюдал, как пыхтя и кряхтя долго выбирался из машины его тучный наставник, потом что-то втолковывал охраннику, показывая удостоверение в красной корочке. «Чем же они тут занимаются, какие тайны прячут?» – подумал Володя, оценив хорошо оборудованный пост и серьезного вооруженного охранника. Красно-белая полосатая палка шлагбаума нехотя поползла вверх только после того, как охранник кому-то позвонил, сообщив о визите представителей Следственного комитета.

На огороженной трехметровым забором территории загадочного института оказались невысокие, всего в два-три этажа, современные здания. В центре участка располагалось здание с декоративным крылечком и клумбой с цветущими георгинами. И было оно, судя по всему, главным. На крыше громоздились несколько спутниковых антенн. Только государственного флага не хватало на флагштоке перед входом! Справа шли скучные одинаковые корпуса

из стекла и бетона. А у самого выезда с территории красовалась оранжерея. Пойманная в стеклянную клетку буйная зеленая растительность с завистью смотрела на своих свободных сородичей, плотной стеной дикого леса окружавших научный городок. По левой стороне от центрального здания теснились несколько жилых двухэтажных коттеджей. Значит, здесь сотрудники не только работали, но и жили. А что, совсем неплохо! Тишина, свежий воздух, и до работы полминуты, если не меньше. Хорошо устроились!

Хлебников остановил машину у входа в главное здание. Машины сотрудников размещались на специальной стоянке, оборудованной зарядными устройствами для электромобилей.

– Неплохо живут научные работники, – с ноткой зависти воскликнул Володя, – на электромобилях разъезжают! Сколько ж они зарабатывают?

– А ты не считай деньги в чужих карманах, – посоветовал Ракитин, выбираясь из машины, – в твоём от этого ничего не прибавится.

Перед коттеджами была оборудована маленькая детская площадка с песочницей и качелями. А кругом вольготно цвели, благоухая умопомрачительными ароматами, лилии, георгины, гладиолусы. Эдакий маленький, спрятанный от посторонних глаз рай.

Войдя в главное здание, поднялись на второй этаж, где располагался кабинет начальника местной научной братии. На золотой табличке черными буквами было написано: «Разумовский Георгий Иванович д. н.».

– Что значит д.н.? – тихо спросил Володя, пропуская вперед Ракитина.

– Доктор наук, скорей всего.

Навстречу поднялась секретарша, скромная молодая девушка. Прочитав удостоверение следователя и бросив на посетителей встревоженный взгляд, без лишних вопросов провела их к начальнику.

Кабинет доктора Разумовского поразил Ракитина своей уютной несовременностью. Никакого стекла и пластика. Только мягкая удобная мебель, обтянутая доброй старой кожей. Только дерево, натуральное дерево, по стенам стеллажи с самыми настоящими книгами, на окнах плотные, спокойного цвета шторы. Конечно, современная оргтехника присутствовала, но как-то ненавязчиво. «Уютное местечко», – подумал про себя следователь Ракитин и протянул руку поднявшемуся навстречу хозяину кабинета.

Доктору Разумовскому на вид было за 60. Львиная грива седых волос оттеняла темные умные глаза, чем-то смахивающие на ястребиные. Да и тонкий нос с горбинкой усиливал сходство с птицей.

– Здравствуйте, господа! Проходите, – вежливый жест в сторону мягких удобных кресел. – Чем могу быть полезен Следственному комитету?

Разумовский был любезен и совершенно спокоен. Значит, еще ничего не знал.

– У вас есть такой сотрудник, Кочетов Юрий Алексеевич? – задал вопрос Ракитин, устранившись в кресле.

– Да, конечно. А почему он вас интересует?

– Дело в том, что сегодня около четырех часов дня Кочетов Юрий Алексеевич был убит в своей квартире в городе.

– Что?.. – ястребиные глаза ошарашенно округлились, брови полезли вверх. – Юра убит?.. Этого не может быть. За что? – Разумовский сел за свой стол, словно ноги его внезапно ослабели.

– Мы и пытаемся это выяснить, – Андрей Ильич внимательно наблюдал за хозяином кабинета. – Чем занимался в вашем институте Юрий Кочетов?

– Юра генетик... был генетиком, – запинаясь от растерянности, начал рассказывать Георгий Иванович. – Причем очень талантливым генетиком. Можно сказать, именно Юра был ведущим сотрудником нашей лаборатории.

– А чем занимается ваша лаборатория? – вставил вопрос Володя Хлебников, тоже удобно устроившийся в кресле. Он достал из кармана смартфон и включил диктофон на запись.

– Медицинской генетикой. У нас еще есть лаборатория, которая занимается сельскохозяйственной генетикой. Но мы специализируемся на медицинской. И Юра был одним из ведущих сотрудников лаборатории, именно ему принадлежали самые смелые научные идеи. Можно сказать, он был мозговым центром лаборатории.

– У него были враги? – следователь Ракитин что-то отмечал в своем старомодном планшете.

– Да какие могут быть враги? Нет, конечно!

Разумовский встал и, потирая ладонью высокий умный лоб, подошел к окну. Казалось, он вдруг забыл о присутствующих.

– Господи, сначала Саша пропал, теперь Юра... Что происходит?..

– Простите, кто пропал? – переспросил встрепенувшийся от услышанного Володя.

– А? – Разумовский бросил на него растерянный взгляд. – Саша Ивушкин. Тоже наш сотрудник. Они работали вместе с Юрой. Буквально три дня назад произошло странное, необъяснимое событие. Исчез, пропал Саша Ивушкин.

– Что значит исчез и пропал? – насторожился Ракитин.

– Никому ничего не сказав, Саша Ивушкин собрал чемодан и уехал в неизвестном направлении. А у него доклад на международной конференции через две недели. Понимаете?

– Вы думаете, эти два события как-то связаны между собой? – Андрей Ильич с любопытством смотрел на Разумовского.

– Понятия не имею! Но, согласитесь, странно, что два основных сотрудника лаборатории, на которых держалась вся научная работа...

– Да, это странно. А в каких отношениях между собой были Ивушкин и Кочетов?

– Да в нормальных! Понимаете, мы много лет работаем вместе, лет пятнадцать, если не больше, с момента создания лаборатории. Мы уже стали одной семьей. И отношения между сотрудниками можно назвать почти родственными. У нас даже семьи образовались на почве совместной работы. Вот у Саши Ивушкина жена Светлана тоже генетик и тоже сотрудник нашей лаборатории. Миша Николаенко женился на лаборантке, ну, тогда еще лаборантке Ульяне Свиридовой. Прекрасная семья. Все мы занимались одним делом, жили одной жизнью, дышали одним воздухом.

– И никаких противоречий между сотрудниками? – вставил Володя.

– Ну, конечно, противоречия периодически возникали. Но это были рабочие противоречия, текущие, так сказать. Ничего необычного. Как у всех.

В дверь постучали, и, не дожидаясь разрешения, в кабинет вошла строгая красивая дама в очках, на вид ровесница доктора Разумовского. Она была красива строгой, надменной, неувядающей красотой истинной аристократки.

– Вы заняты, Георгий Иванович? Извините... – дама повернулась уйти, но Разумовский ее остановил.

– Галина Евгеньевна, случилась беда. Юру Кочетова убили...

Андрей Ильич с любопытством отметил, что лицо вошедшей словно окаменело, ни один мускул на нем не дрогнул. И голос не дрогнул тоже. Железная леди молча посмотрела на Разумовского, потом перевела взгляд на посетителей.

– Это люди из полиции? – поинтересовалась она у Разумовского.

– Да, это следователь Андрей Ильич Ракитин с помощником. А это наша сотрудница Галина Евгеньевна Воронцова, ведущий сотрудник нашей лаборатории, моя правая рука.

Ракитин, нехотя поднявшись из кресла, кивнул даме. Та, мельком глянув на него, уставилась на своего начальника.

– Сначала Саша, теперь Юра. Что все это значит, Георгий Иванович? – спросила она требовательно, будто призывала к ответу Разумовского. Тот только растерянно пожал плечами. – Как его убили?

Она почему-то спрашивала у своего начальника, а не у следователей. Неужели была уверена, что Георгий Иванович все знает?

– Нанесли несколько ударов ножом в живот, – пояснил Ракитин.

Между сотрудниками лаборатории разыгрывалась какая-то немая сцена, подтекст которой пока ускользал от следователя.

– Надо организовать похороны, Галя, – тихо произнес Разумовский.

– Я займусь этим, – кивнула дама и повернулась уходить.

Ракитин молча, но выразительно посмотрел на своего помощника. И тот, уловив мысленный посыл, вскочил с места и ринулся следом за железной леди.

– Галина Евгеньевна, можно поговорить с вами минуту?

А Андрей Ильич не торопясь отыскал в планшете фотографию с камеры видеонаблюдения и показал начальнику лаборатории.

– Скажите, вам знакома эта женщина?

– Конечно, – кивнул Разумовский, – это Ульяна Свиридова, наша сотрудница.

Хлебников, деликатно подхватив под локоть Галину Евгеньевну, вывел ее в коридор и остановился у распахнутого в августовский, благоухающий ароматами цветов вечер, окна.

– Скажите, а какие были отношения у Кочетова с этим пропавшим Ивушкиным?

Железная леди удивленно приподняла тонкую изящную бровь:

– Я обязана отвечать на ваши вопросы? – Какой-то несолидный вид был у этого паренька. Хотя помощник следователя все-таки, лицо официальное.

– Нет, конечно, Галина Евгеньевна! Мы же беседуем с вами не под протокол. Просто не хочется дергать вас лишний раз, вызывая повесткой в кабинет следователя. Вы же занятой человек.

Она вздохнула, но стала рассказывать:

– Они были конкурентами, Саша и Юра. Оба умные, целеустремленные, амбициозные. Всю жизнь, пока работали в лаборатории, шли, как кони на скачках, – ноздря в ноздрю. Но то один слегка вырывался вперед, то другой. В науке эта конкуренция нередко дает хорошие результаты. И Георгий Иванович этим беззастенчиво пользовался. Они конкурировали за право первым выйти на защиту диссертации, за право напечатать свою статью в научном журнале.

– Они были врагами? – решил уточнить Хлебников.

– Нет, они были соперниками, а это совершенно разные вещи. Но Саша брал упорством и работоспособностью. А Юрке все давалось легко, с налета. Хотя он так же легко мог забросить начатое, вдруг охладев к им же самим высказанной гипотезе. В команде под опытным руководством недостатки каждого компенсируются достоинствами другого. Этот недостаток Юры компенсировали наши «рабочие лошадки» Миша Николаенко с его женой Ульяной и Ивушкины, Саша и Света. Результат достигался совместными усилиями.

– То есть ссоры между Ивушкиным и Кочетовым на почве конкуренции не было?

– Почему? Ссоры бывали, но не в этот раз. Если вы подозреваете Сашу в убийстве, то это полная чушь, – кривоватая усмешка исказила красивое строгое лицо дамы. – Ищите в личной жизни Кочетова. Он был неисправимым бабником.

Тут уже Хлебников удивленно уставился на Галину Евгеньевну. А та насмешливо улыбнулась:

– Да, наш Юрочка был ловеласом, который не пропускал ни одной лаборантки. Хобби у него такое было. И я не удивилась бы, увидев преследующую его армию обманутых мужей.

– А вы его недолюбливали, – уловив в голосе железной леди нотки презрения, с понимающей улыбкой произнес Володя.

– А любить Юрия Кочетова не входило в мои профессиональные обязанности. Как мужчина он был не в моем вкусе. Да и разница в возрасте сказывалась. А как ученого я его ценила и уважала.

– А с другими сотрудницами лаборатории какие у него были отношения?

Галина Евгеньевна оторвала взгляд от лица помощника следователя и отвернулась к окну. Глаза у этого мальчишки были умными, проницательными. На несколько долгих секунд она задумалась, словно пытаясь решить, стоит ли ему врать.

– У него был роман с Ульяной, Мишиной женой. Долгий, трудный, многолетний роман. Юрочка был слишком непостоянным в отношениях. Его влекла новизна. А Ульяна на свое несчастье относится к породе людей с собачьей верностью. Она его любила всю жизнь.

– Вы же сказали, что она жена Михаила Николаенко, – что-то не укладывалось в голове Володи.

– Да. Налицо классический любовный треугольник: Миша любил ее, а она любила Юру. Кочетов по природе своей неспособен к семейным отношениям. Вот она и вышла за Мишу, даже сына ему родила. С виду хорошая семья, любящая. А под внешней благостной оболочкой межличностная драма. Вот так вот, молодой человек.

– А Миша знал?

– Знал. И тихо ненавидел Кочетова. Но убить его не мог, точно не мог.

– Почему?

– Он слишком миролюбив по своей природе. Как говорят про таких, мухи не обидит. Предпочитал мучиться и страдать сам от ревности. И потом, он весь день до самого вечера был в лаборатории, проводил серию экспериментов. Я свидетель.

Хлебников задумался. Да у них тут в этом маленьком раю, затерянном в лесу, такие страсти кипят! А по поводу того, что Николаенко не мог убить своего личного врага, это еще больший вопрос...

– Молодой человек, у вас еще есть ко мне вопросы? – оторвала его от размышлений собеседница. – А то мне нужно заниматься организацией похорон. Ведь вы же скоро выдадите нам тело покойного? У него, кроме нас, близких людей не было.

– Да, конечно, Галина Евгеньевна! – встрепенулся Володя и достал из кармана свой смартфон. Потыкав в экран кончиком указательного пальца, он вывел на экран фотографию и показал даме. – Вы знаете эту женщину?

– Конечно, это и есть Ульяна, – кивнула железная леди.

– А где я могу ее найти?

– Дома, наверное. Первая квартира в четвертом коттедже.

Глава 3

Володя столкнулся со своим наставником в дверях кабинета начальника лаборатории и радостно возвестил:

– Наш путь лежит в четвертый коттедж в квартиру номер 1! Она там.

Вышли на улицу. Царственный августовский вечер медленно затухал розовыми закатными полосами над кромкой леса. Ароматы цветов и сочных лесных трав только усилились. Прохладный ветерок укротил жару. «Вот бы сидеть на скамеечке у этой клумбы и наслаждаться красотой и теплом райского места!» – подумал Ракитин, но без промедления направился следом за практикантом.

Уютные двухэтажные коттеджи стояли в шахматном порядке, восточными окнами глядя в лес. Ракитин в сопровождении Володи поднялся по невысокой лесенке и вошел в подъезд дома №4. Дверь первой квартиры оказалась слегка приоткрытой. Удивленно переглянувшись с помощником, следователь толкнул дверь.

– Разрешите войти! – громко произнес он, чтобы быть непременно услышанным тем, кто находился в квартире.

Вдруг в коридорном сумраке перед ним возник мальчик-подросток лет 13-ти или 14-ти.

– Вам кого? – спросил он немного испуганно и вытаращил на незнакомца круглые карие глаза. Мешковатая длинная футболка скрывала подростковую ломкость линий фигуры. Сквозь прорехи на потертых джинсах просвечивали голые коленки.

– Я хотел бы поговорить с Ульяной Свиридовой.

– А мамы нет дома.

Из кухни появилась девочка чуть постарше. На фарфоровой белизны личике сияли большие голубые глаза в обрамлении длинных темных ресниц, светлые локоны волнами спадали на плечи. «Надо же, – подумал Андрей Ильич, – какая куколка, просто ангелочек!» Воздушное белое платьице усиливало ассоциацию с ангелом.

– Добрый вечер! Меня зовут Ракитин Андрей Ильич, я следователь. А это мой помощник Хлебников Владимир Петрович. Мы расследуем убийство Юрия Кочетова.

Милое личико девочки при этих словах стало бледнее мела, а глаза округлились.

– Ох! – вскрикнула она и зажала рот ладошкой. В больших голубых глазах закипели слезы.

– Дядю Юру убили? – прошептал мальчик. – Не может быть.

– Я хотел бы поговорить с твоей мамой. Где ее можно найти?

Потрясенные подростки переглянулись, словно обмениваясь мысленной информацией с помощью телепатии. Потом мальчик растерянно пожал плечами.

– Я не знаю. Они с папой поссорились, и папа, схватив ключи от машины, куда-то ушел. Наверное, в город уехал. А мама побежала следом за ним. Но он уехал один, точно, я в окно видел. Куда пошла мама, не знаю... А кто убил дядю Юру?

– Пока не знаем. А как тебя зовут?

– Паша. А это моя подруга Ева. Она живет в соседнем коттедже.

– Твои родители тоже работают в лаборатории? – поинтересовался Володя, рассматривая девочку.

– Да. Их фамилия Ивушкины. – Вдруг она встрепенулась, словно что-то вспомнив. – Может, Ульяна к моей маме пошла? Они же дружат.

– А в какой квартире живут твои родители? – Ракитин намеревался в любом случае найти женщину с фотографии камеры видеонаблюдения и готов был провести в этом тихом лесном заповеднике хоть всю ночь.

– В третьей. Пойдемте, я вас провожу к маме. Она сейчас на кухне ужин готовит.

Девочка, изящным движением заправив за ушко длинную белокурую прядь, прошла мимо незваных гостей по коридору и распахнула дверь на лестницу, призывая следовать за собой. Вежливо пропустив вперед начальника, Володя покинул квартиру последним, краем глаза заметив на столике в прихожей красную бейсболку с вышитыми золотыми буквами над козырьком...

Ева открыла дверь квартиры своим ключом. Из дверей кухни, вытирая руки кухонным полотенцем, вышла встречать дочь женщина лет сорока с небольшим. В ней легко угадывалась обремененная домашними хлопотами и заботами о семействе домохозяйка. А вот заподозрить в ней серьёзного ученого было сложно, слишком мягкими и неяркими были черты лица без всякой косметики, слишком простыми, скромными. Плавные линии округлившейся фигуры свидетельствовали об увлечении кулинарией.

– Мама, – с порога дрожащим от волнения голосом начала Ева, – случилось ужасное несчастье... Дядю Юру убили! Это следователи, которые ищут убийцу.

Женщина всплеснула руками и прижала их к груди.

– Господи, какой ужас!..

– Здравствуйте, извините за беспокойство, – Ракитин показал свое удостоверение, – а Ульяна Свиридова у вас?

– Нет. И не заходила сегодня, – замотала головой женщина.

– А вы – Ивушкина Светлана...

– Светлана Геннадьевна.

– Ну, раз уж мы здесь, позвольте задать вам несколько вопросов, – Андрей Ильич был сама любезность, только что не раскланялся перед хозяйкой.

– Да, конечно, проходите. – Светлана Геннадьевна шмыгнула носом, украдкой смахнув набежавшую слезу, и пригласила визитеров на кухню.

В просторной кухне на плите что-то готовилось, наполняя аппетитными запахами пространство. В окно просачивались последние лучи заходящего солнца. Светлана усадила гостей на диван.

– Хотите чаю?

Володя бросил вопросительный взгляд на наставника. Он был не прочь угоститься чайком, но Ракитин отрицательно покачал лысой головой:

– Нет, благодарю. Расскажите, пожалуйста, когда вы последний раз видели Кочетова?

Хозяйка как-то неуверенно присела на край табуретки и задумалась, глядя в окно рассеянным взглядом.

– Утром на работе, как обычно. После трех он закончил и уехал домой на машине. Он ведь жил не здесь, а в своей городской квартире.

– А Свиридова? Когда вы видели ее в последний раз?

– Тоже на работе. После работы она куда-то торопилась, кажется, тоже в город.

– Свиридова и Кочетов уехали вместе?

– Нет. Он уехал один. А Ульяна поехала отдельно, но не на машине, машина их осталась на стоянке, я помню. Она поехала на электробусе. По расписанию по нашему шоссе ходит рейсовый электробус-беспилотник. Потом я больше ее не видела. Хотя... Часов в семь я выглянула в окно, потому что под окном кто-то кричал. Миша, муж Ульяны, спешил к стоянке автомобилей, а она выбежала за ним следом и что-то кричала ему в спину. Но он сел в машину и быстро уехал, не обратив на нее внимания.

– Они ссорились?

– Не знаю. Я не поняла.

– Какие были отношения у Ульяны с Юрием?

Светлана бросила на Ракитина осуждающий взгляд, потом посмотрела на застывшую в дверном проеме дочь.

– Евочка, доченька, иди, пожалуйста, в свою комнату. Взрослым нужно поговорить о важных вещах. Тебе это просто не интересно, – извиняющиеся нотки прозвучали в ее голосе.

Девочка недовольно нахмурилась, но послушно ушла, не сказав ни слова.

– Вам уже наплели всякую чушь про роман Ульяны с Юрой?

– А что, не было никакого романа? – спросил Володя.

Светлана безразлично пожала плечами:

– Может, и был лет сто назад... Но все это уже былем поросло. Ульяна ведь пришла к нам в лабораторию сразу со студенческой скамьи, юной девочкой, неопытной, восторженной. А Юра всегда был интересным мужчиной. Этаким испанский граф 21-го века. Вот и не удержалась, поддалась его чарам. Но Ульяна всегда была умной девочкой, быстро раскусила предмет своих воздыханий. И сделала правильный выбор, выйдя замуж за Мишу Николаенко. Миша, знаете ли, замечательный муж, семьянин, прекрасный отец, каких еще поискать. Пашка вместе с моей Евой рос. Так Мишка с ними возился с обоими, лучшей няньки было не найти. А ведь Паша был хиленьким, болезненным мальчиком, требовал особой заботы от родителей. Так что никому не верьте, если кто-то будет говорить, что Ульяна не любила своего мужа, что крутила роман с Юрой. Нет, не было никакого романа, – твердым, уверенным голосом заключила хозяйка и посмотрела на собеседников открытым взглядом голубых глаз.

– Паша сказал, что сегодня родители ссорились, – вставил Ракитин.

– Ну и что? Вы знаете семьи, где совсем нет ссор? Как поссорились, так и помиряются, – невозмутимо констатировала Светлана.

– А где ваш муж? – неожиданно спросил Хлебников и внутренне насторожился, так побледнела собеседница.

– А причем здесь мой муж? – черты ее лица словно окаменели, а в глазах появился тревожный блеск.

– Георгий Иванович сообщил, что он исчез неожиданно для всех накануне какой-то важной конференции, – пояснил Ракитин, внутренне поблагодарив практиканта, сделавшего ему, как в спорте, удачную подачу.

Светлана опустила глаза, вдруг занервничав:

– Да, он уехал в другой город по делам.

– Не предупредив начальство? – начал давить на женщину Хлебников. – Как это возможно?

– Ну, он забыл, наверное. Просто торопился. Он уехал в Питер к коллегам в смежный институт.

– Ну зачем ты врешь, мама?! – вдруг раздался от двери возмущенный голос Евы. – Он же бросил тебя, нас, подло бросил и сбежал! Потому что он трус, обыкновенный трус и предатель!

– Ну что ты говоришь, Ева! Так нельзя говорить про папу. Он же твой отец.

– Да какой он отец?! Ему работа всегда была важнее меня, тебя, семьи. Он всегда был эгоистом, думал только о своей работе, а на нас ему было наплевать! А ты зачем-то лжешь, изворачиваешься, унижаешься. Зачем, мама?!

И такой упрек был в больших ангельских глазах девочки, что Светлана покраснела и опустила голову. Ева тут же вышла, осуждающе хлопнув дверью. На минуту в кухне повисла неловкая пауза.

– Вы извините ее, – пробормотала Светлана, – пятнадцать лет – очень сложный возраст. Каждое событие в жизни воспринимается очень остро, болезненно. В чем-то она, конечно, права. Саша действительно слишком много времени уделял работе. Если можно было выбрать между походом с дочерью в кино и наблюдением за лабораторными крысами, он выбирал крыс.

Это плохо, это неправильно. Но Саша был ученым до мозга костей. У него наука всегда стояла на первом месте.

– Так куда он уехал? – повторил Хлебников.

– Я правда не знаю! Мне он ничего не сказал. За пару дней до этого замкнулся в себе, стал сильно нервничать. А потом исчез, забрал чемодан с вещами и исчез.

– Ушел к другой женщине? – предположил Ракитин.

– Нет, не было у него никакой другой женщины. Я бы почувствовала. После двадцати пяти лет совместной жизни я бы почувствовала. Дело не в женщине.

– А в чем?

– Я не знаю!!!

В глазах Светланы была боль, отчаяние, но она не лгала. Это было для Андрея Ильича ясно как божий день. «Связаны ли между собой убийство Кочетова и исчезновение Ивушкина?» – думал Ракитин, спускаясь по лестнице следом за Володи. И что-то внутри него, что обычно называют интуицией, подсказывало, что связано. Но как? С этим еще нужно было разбираться.

Глава 4

Они медленно спускались по лестнице. Из открытой двери подъезда тянуло свежестью. Слух Андрея Ильича удивленно уловил стрекот цикад. Надо же, в этих-то широтах – и цикады! Или это не цикады трещат, а какие-то другие ночные насекомые? Но тихий стрекочущий звук придавал позднему вечеру необъяснимое очарование. Фонари цедили на их головы мягкий желтоватый свет.

– Андрей Ильич, что будем делать? – спросил практикант, поднимая голову к небу, где уже проявлялись россыпи ярких августовских звезд.

– Свиридову эту разыскивать. Без нее нам дальше не продвинуться.

Ракитин достал из кармана пачку сигарет и закурил, со смаком выпустив облачко дыма изо рта.

– Андрей Ильич, курение уже давно вышло из моды, а вы все дымите! – с легкой укоризной попенял ему Хлебников.

– Я, Володя, курить начал в 12 лет за компанию с дворовыми товарищами. Признаю, хвастаться здесь нечем. Но бросать после стольких лет слишком трудно. Да и зачем? Сигарета, будь она неладна, мне думать помогает.

– А Ивушкин этот, как пить дать, ушел к другой, бросив свою семью, – заявил Хлебников.

– С чего ты взял? – спросил Андрей Ильич, наблюдая, как дым медленно тает на фоне темного неба.

– Да любой бы сбежал от этой Светланы. Она же курица, натуральная курица, а не женщина.

– Много ты понимаешь в женщинах, мальчишка! – вдруг рассердился Ракитин и, со злостью швырнув недокуренную сигарету на асфальт, растоптал ее носком ботинка.

Володя бросил на наставника недоуменный взгляд, но промолчал. С чего это он так взбеленился? Старший следователь, как успел понять практикант за время общения с ним, отличался спокойным и доброжелательным нравом. Слишком большой профессионал, чтобы опускаться до издевок над малоопытным учеником.

Они медленно шли по заасфальтированной дорожке мимо жилых коттеджей. Поравнявшись с домом №4, Володя предложил:

– А давайте еще раз заглянем в первую квартиру. Вдруг эта Ульяна все-таки вернулась домой? Даже если она причастна к убийству, не думаю, что она могла запросто бросить собственного сына и уехать.

– Пошли, – согласно кивнул Ракитин.

Дверь на сей раз была закрыта, пришлось звонить. Механическая трель с усилием прорывалась сквозь доносящуюся из глубин квартиры современную электронную музыку. Долго не открывали. Наконец лязгнул замок и перед следователями предстала собственной персоной разыскиваемая подозреваемая.

– Здравствуйте, госпожа Свиридова! – произнес Андрей Ильич, с интересом рассматривая ее красивое усталое лицо. Никаких следов косметики, губы бледные, веки красные и припухшие. Было похоже, что она недавно долго плакала.

Прочитав оба служебных удостоверения, Ульяна с удивлением уставилась на незваных гостей.

– По какому вопросу? – голос звучал резко и недовольно.

– Мы по поводу убийства Юрия Кочетова.

Ее большие карие глаза так искренне округлились, зрачки расширились от внезапного ужаса, а по щекам разлилась бледность, что трудно было заподозрить ее в тонкой актерской игре. Женщина была явно потрясена известием.

– Как убийство?..

Ульяна отступила на шаг, пропуская в квартиру следователей.

– А сын разве вам ничего не сказал? – поинтересовался Ракитин, проходя на кухню и усаживаясь за стол не дожидаясь приглашения.

– Пашка сидит в своей комнате и музыку слушает. Он, наверное, и не слышал, как я пришла. – Женщина опустилась на стул напротив следователя в такой растерянности, что ему показалось, она не видит никого вокруг. – Но... Про какое убийство вы говорите? Этого не может быть. Я ведь сегодня с ним разговаривала днем у него дома.

– Во сколько это было? – вставил вопрос Хлебников.

– Часа в четыре... Да, именно в четыре. Я ведь успела на пятичасовой электробус.

Оба следователя переглянулись.

– О чем вы с ним разговаривали, Ульяна?

Та пожала плечами беспомощно и растерянно, как маленькая девочка. Лицо ее начало собираться в странную гримасу, как будто она вот-вот разревется, в глазах появились слезы. Но ей удалось сдержаться.

– Ссорились в очередной раз.

– И какая же была причина для ссоры?

– Почему вы задаете мне такие вопросы? – Ульяна посмотрела на Андрея Ильича, недовольно нахмурившись.

– Потому что вы были последней, кто видел его живым!

Она плакала навзрыд, то и дело вытирая мокрое от слез лицо не очень чистым кухонным полотенцем, плечи ее судорожно вздрагивали. Андрей Ильич терпеливо ждал, когда она сможет говорить. А Володя Хлебников, сочувственно вздыхая, налил в чашку воды из-под крана и всунул ей в дрожащую руку.

– Пейте, пейте!

Всхлипывая и громко глотая, Ульяна осушила всю чашку и немного успокоилась.

– Рассказывайте, Ульяна, как все было, мы знаем о ваших отношениях с убитым! – строго произнес Ракитин, надеясь, что строгость в его голосе поможет ей собраться с силами и с мыслями.

– Юра опять завел себе новую... пассию, – начала Ульяна, до красноты растирая мокрые глаза вафельным полотенцем. – Но на сей раз это была какая-то девчонка, соплюшка. А ведь ему уже под пятьдесят! Это же смешно и глупо! Солидный мужчина и какая-то вертихвостка! Меня это так задело... Господи, если бы вы только знали, как он вымотал мне душу, этот герой-любовник! Всю жизнь... всю жизнь он мучил меня: то в любви клянется, называет любимой, единственной, божится, что жить без меня не может, то отталкивает и заводит очередную интрижку с первой встречной юбкой. Это же какая-то пытка! Я и сама измучилась, и бедному Мише душу истерзала. Я тысячу раз пыталась порвать отношения с Юрой. Не такая уж я и сволочь, как вы думаете. Мне хотелось нормальной семьи, добрых, любящих отношений. И именно это мне давал Миша. У нас с ним хорошая семья. Но Юра... Он меня никак не хотел отпускать. Кажется, ему доставляло удовольствие разжечь огонь в моей душе и бросить, наблюдая со стороны за моими мучениями. А потом, стоит только мне прийти в себя, успокоиться, он снова начинал кружить вокруг меня, как хищная птица, позабыв своих недавних подружек. Сложный он был человек. Трудно с ним было.

– И вы его убили? – вдруг задал вопрос Ракитин, твердо глядя в ее глаза.

– Ну что вы! Конечно, нет. – Свиридова слабо улыбнулась, как будто предположение этого немолодого толстяка было полной глупостью. – Я, конечно, закатила истерику, высказала в очередной раз все, что о нем думаю, просто выплеснула наболевшее. И ушла, поехала домой. А дома Миша... Он же все знает, все понимает. Он подумал, что у нас с Юрой снова все закрутилось, и психанул. Я пыталась ему все объяснить, но он расстроился, сел в машину и уехал. Обиделся сильно. Но я же не виновата!

– Значит, вы утверждаете, что не убивали Юрия Кочетова? – опять спросил Андрей Ильич.

– Нет!!! Я его любила! Страдала, мучилась, но любила! – Ульяна в каком-то жалобном жесте прижала к груди сжатые кулачки и посмотрела на следователя полными слез глазами. – С ним было невыносимо тяжело, но и без него в жизни не было смысла, поймите! Это была любовь-проклятье.

– Разрешите, мой помощник посмотрит на вашей кухне ножи?

– Зачем вам ножи? – растерялась Ульяна.

Ракитин кивнул Володе, не дожидаясь согласия хозяйки. Но она не стала возражать, не беспокоилась, когда молодой помощник следователя стал открывать ящики и шкафы, заглядывая на полки, залез в мусорное ведро, посмотрел за вытяжкой и в духовке. Но ножа с шириной лезвия 2,5 сантиметра не обнаружилось. Впрочем, это было не удивительно.

– Владимир, – обратился к помощнику Ракитин, как только тот закончил тщательный осмотр кухни, – возьми на всякий случай у госпожи Свиридовой отпечатки пальцев.

Ульяна уставилась на него в крайнем изумлении. До нее никак не доходили совершенно очевидные вещи.

– Вы что, думаете, что это я его?..

– Мы обязаны проверять все версии. Согласитесь, мотив у вас был серьезный.

– Да что вы! Если бы я хотела его убить, я бы сделала это еще много лет назад. Повод он давал регулярно. Я даже как-то привыкла уже. Я его не убивала, не убивала!

Володя, завершив осмотр кухни, взял у своего наставника рабочий планшет, порывшись в программах и положил экраном вверх перед подозреваемой.

– Будьте добры вашу руку!

Женщина не сопротивлялась, только растерянно, с изумлением наблюдала, как молодой человек укладывает ее ладонь с растопыренными пальцами так, чтобы подушечки попали в специальные квадратики, и делает снимок. Ей даже в голову не пришло требовать адвоката и подвергать сомнению законность действий представителей следствия.

Ракитин убрал планшет и собрался уже уходить, когда раздался телефонный звонок. Ульяна схватила телефон, на губах ее мелькнула радостная улыбка.

– Это Миша! – воскликнула она, отвечая на звонок.

Сухой официальный мужской голос что-то забубнил ей на ухо. Слова было не разобрать. Андрей Ильич с удивлением наблюдал, как побледнело лицо женщины, как закатились глаза и она, обмякнув и выронив брусочек телефона, словно тряпичная кукла, без чувств соскользнула со своего стула на пол. Хлебников бросился к ней, а Ракитин нагнулся и поднял телефон.

– Алло, это следователь Ракитин. С кем я разговариваю?

– Капитан дорожно-патрульной полиции Васильев, – отработовал собеседник. – тут произошла авария. Водитель автомобиля «Опель», регистрационный номер... погиб на месте. Судя по документам, это Николаенко Михаил Александрович.

Скорая помощь, мигая красными габаритными огнями, медленно покатила по узким асфальтовым дорожкам между коттеджами. Андрей Ильич проводил ее взглядом и сказал практиканту:

– Ну что, Володя, пора и нам по домам?

– Эх, не успели мы ее задержать, Андрей Ильич! – с сожалением вздохнул Хлебников.

– А не за что нам ее было задерживать, Володя.

– Как это не за что? А присутствие на месте преступления во время убийства?

– Ты же сам говорил, что она могла и не убивать, а просто видела потерпевшего перед самым убийством. Да и не верю я, что она могла это сделать.

Они медленно шли в сторону автостоянки, где Володя оставил свой автомобиль. Красота летней ночи вокруг была наполнена волшебством, магией. Вот только магия эта, как казалось следователю Ракитину, была черной.

– Мне кажется, что такая в состоянии аффекта вполне могла пырнуть ножом бывшего любовника, – пожал плечами практикант, – она же в аффект по щелчку впадает.

– Поживи, как она, между двух огней столько лет, тоже по щелчку будешь в аффект впадать, – возразил Андрей Ильич. – Нет, Володя, нечего нам пока ей предъявить. Нет у нас никаких весомых улик, кроме домыслов. Вот найдем орудие убийства, тогда видно будет.

– Если вообще найдем, – вздохнул Володя, распахивая заднюю дверь машины перед начальником.

Машина ехала медленно по темной лесной дороге. В зеркало заднего вида Володя видел мигающий красный огонек на шлагбауме, который плавно опускался за их спинами, закрывая доступ в спрятанный в лесу научный городок со всеми его тайнами. С боков над машиной нависали ветви деревьев, и казалось, что темные сторожевые ели тянут мохнатые лапы к чужакам, предупреждая, угрожая... Володя почувствовал, как волна мурашек пробежала вдоль позвоночника, будто от внезапного сквозняка, и захотелось прибавить газу, чтобы скорее выбраться на освещенное шоссе с несущимися по нему вереницами автомобилей.

Глава 5

Хоронили Юрия Кочетова и Михаила Николаенко в один день, на одном кладбище, в соседних могилах. Ульяну еще не выписали из больницы, где она лечилась с нервным срывом. Андрей Ильич, надев для приличия серую рубашку и черный пиджак, собрался на похороны.

– Пойдем, Володя, может, чего разнюхаем, – позвал он практиканта. – Похороны – событие важное не только по составу пришедших, но и по их состоянию. Походим, посмотрим, послушаем. Может, что новое узнаем.

Хлебников с готовностью кивнул.

– На поминки останемся, Андрей Ильич?

– Что, салатика поесть захотелось да водочки хлебнуть? – подозрительно покосился на парня Ракитин.

– Что вы, нет! Я же за рулем. А вот другим алкоголь язык развязать может. Вдруг скажут что-нибудь интересное.

Андрей Ильич дружелюбно похлопал практиканта по плечу и подтолкнул к двери.

– Ладно, Володя, будем ориентироваться на месте.

Утро выдалось пасмурным, с мелким морсящим дождиком. После недели удушливой жары в городе эта утренняя хмарь казалась благом. В машине Хлебникова оба следователя отправились за город на одно из тихих сельских кладбищ, что при забитости и переполненности городских в последние годы стали набирать популярность в народе.

– Андрей Ильич, – размышлял по дороге Хлебников, – как, по-вашему, связаны между собой эти три происшествия?

– Какие три?

– Ну, исчезновение Ивушкина, убийство Кочетова и авария Николаенко. Кстати, а вдруг и авария эта была несчастной.

– Ты за дорогой смотри, Володя! – настоятельно порекомендовал начальник. – По поводу аварии я же разговаривал с дорожной полицией. Там масса свидетелей с видеорегистраторами. Миша Николаенко на большой скорости стал совершать опасный обгон и вылетел на встречу, а там грузовик. Так что в данном случае трудно заподозрить какой-то злой умысел.

Андрей Ильич на несколько минут задумался, загляделся на мелькающие мимо окон автомобиля разноцветные сельские домики. Они уже выехали за черту города и приближались к месту, обозначенному на карте навигатора группкой черных маленьких крестиков.

– А то, что эти три странных события связаны между собой, я даже не сомневаюсь. Вот только не понятно, чем? Разве что местом работы всех участников событий. Ох, Володя, копать надо, глубоко копать.

Оставив машину на небольшой парковке, Ракитин и Хлебников прошли внутрь за кладбищенскую ограду. Тишина и покой царили вокруг. Казалось, что даже ветер, залетая на кладбище, стихал, деликатно стараясь не нарушать торжественное безмолвие. От замшелых древних крестов и каменных стел с полустертыми надписями веяло духом вечности. Всякий живой, попадая сюда, невольно задумывался о скоротечности жизни и бессмысленности жизненной суеты. Они быстро нашли тех, кого искали. Группа в черном виднелась на краю кладбища, за чередой могильных крестов и высоких оград.

Людей на похороны собралось много. Наверное, все работники двух научных лабораторий подтянулись на кладбище да технический персонал. Еще бы! Вероятно, это вообще были первые похороны сотрудников за все годы существования научного городка. Ведь народ там работал достаточно молодой, здоровый, все силы отдававший на благо науки. Оба следователя скромно пристроились в задних рядах.

Похоронили быстро. Мелкий серый дождик подгонял торопиться, быстрее закончить ритуал и отправиться в сухое тепло, за накрытые поминальные столы. Небольшая толпа одетых в траурные одежды людей вереницей потянулась с кладбища по узким дорожкам между оградами и старомодными крестами. Женщины прятали заплаканные глаза за стеклами черных очков и украдкой вытирали слезы. Мужчины, мрачные и задумчивые, шли молча.

Ракитин немного задержался, шепнув на ухо своему помощнику:

– Володя, пошустри-ка ты среди молодежи, порасспрашивай. А я поближе к начальству буду.

– Хорошо, Андрей Ильич, – кивнул Хлебников и бросил последний взгляд на две свежие могилы, заваленные венками и цветами. – Вот ведь не повезло мужикам! всю жизнь ненавидели друг друга из-за одной женщины, а теперь придется лежать рядышком до конца времен... Эх, была бы тут Свиридова, думаю, она бы не позволила похоронить рядом и мужа, и любовника. Судьба, однако.

Ракитин не стал спорить и, пропустив Володю вперед, в узкий проход между чугунными оградами, обернулся. Над могилой Миши Николаенко стояла тонкая одинокая девичья фигурка. Ева Ивушкина застывшим взглядом смотрела на свежий земляной холмик, и казалось, что видит она не венки с лентами и надписями «от друзей и сотрудников», не надломленные стебли роз и гвоздик, а что-то никому неведомое, тайное и очень далекое. Из глаз девочки тихо струились слезы. «Ну да, – вспомнил Ракитин, – Миша ведь вырастил Еву как собственную дочь. С учетом ее отношений с родным отцом все было более чем понятно». Он отвернулся и поспешил следом за Хлебниковым, неловко взмахивая руками в самых узких местах дорожки, где легко можно было упасть, заскользив по влажной от дождя глинистой почве.

Он догнал доктора Разумовского, который шел рядом с Галиной Евгеньевной и поддерживал ее под руку. Вот только со стороны казалось, что не поддерживает он железную леди, а висит беспомощно на сгибе ее локтя.

– Георгий Иванович! – окликнул следователь начальника лаборатории, тот обернулся. – Можно задать вам несколько вопросов?

Угрюмо насупившись и вздохнув, Разумовский ответил вопросом на вопрос:

– Именно сегодня, именно в такой момент вам необходимо задать свои вопросы?

– К сожалению, необходимо, – упрямо ответил Ракитин.

Он остановился в двух шагах от них, немного удивившись про себя строгим и совершенно сухим глазам Воронцовой. Похоже, Галина Евгеньевна была единственной из присутствующих женщин, не проронившей над могилами безвременно усопших ни одной слезинки. Действительно, железная леди!

– Георгий Иванович, вы не можете не замечать связи странных происшествий последних дней с руководимой вами лабораторией. Один сотрудник исчезает непонятным образом, второго убивают, третий разбивается на собственной машине. Как вы считаете, у вашей лаборатории есть враги?

Разумовский возмущенно сверкнул глазами:

– Что за бред? Какие могут быть враги у научной лаборатории?!

– Ну, вы же не станете утверждать, что в научном мире сплошь и рядом царят взаимное уважение и братская любовь? – ухмыльнулся Ракитин. – Бьюсь об заклад, что среди докторов и кандидатов наук есть и зависть, и ревность, и жадность, и ненависть. Высокие научные звания не отменяют обычных человеческих чувств. Так кто может иметь зуб на вашу лабораторию?

Разумовский пожал плечами и отвернулся, пряча глаза. Но тут в диалог вмешалась его спутница:

– Жора, ну что ты молчишь? Все слишком серьезно, чтобы стараться не выносить сор из избы!

– Галя... – Георгий Иванович хотел что-то сказать, но замолчал и как-то сдулся, наткнувшись на требовательный взгляд Галины Евгеньевны.

Не дождавшись ответа от шефа, железная леди повернулась к следователю и заговорила напряженным шепотом, стараясь, чтобы никто вокруг не услышал ее слова:

– Как вы знаете, в нашем городке под одной крышей работают две лаборатории, наша и сельскохозяйственной генетики. Второй лабораторией руководит доктор Стародубцев Николай Сергеевич. Вон он, – она кивнула в сторону группки тихо беседующих друг с другом людей, ожидавших, когда за ними подъедет машина, – высокий, сутулый, в очках и с бородкой. Видите?

Ракитин кивнул, стараясь не рассматривать нового фигуранта дела слишком пристально.

– Так вот, этот Стародубцев шел за нами по пятам всю жизнь и дышал в спину. Он получил собственную лабораторию на год позже Георгия Ивановича и постоянно конкурировал с ним. Конкуренция шла за территорию лабораторий, за бюджет, за новое оборудование, за государственные гранты, за право участия в научных конференциях, за очередность защит диссертантов... И не всегда эта конкуренция была честной. Николай Сергеевич человек, умеющий идти на компромисс, в том числе и со своей совестью. А в последние годы у Георгия Ивановича появились проблемы со здоровьем, и он уже не так яростно мог отстаивать интересы нашей лаборатории. Чем немедленно воспользовался Стародубцев и увел у нас очень перспективный грант из-под носа буквально пару месяцев назад. По моим ощущениям, наш конкурент перешел в активное наступление.

– В активное наступление? Что это значит? – Ракитин удивленно поднял брови.

Но ответить Галина Евгеньевна не успела. Подошел автобус, специально заказанный для тех, кто собирался ехать на поминки. Люди в черном оживились, с их лиц исчезло скорбное выражение. Друг за другом мужчины и женщины стали подниматься в салон автобуса, быстро занимая свободные места. Занервничала и доктор Воронцова, бросая рассеянные взгляды то на Ракитина, то на автобус.

– Галина Евгеньевна, я понимаю, что сегодня неудобно отвлекать вас своими расспросами и обременять просьбами, – извинился Андрей Ильич, – но, может быть, завтра побеседуем? И вы любезно покажете мне вашу лабораторию? Мне было бы очень интересно взглянуть. Вы ведь не будете возражать, Георгий Иванович? – повернулся он к Разумовскому. Тот безразлично пожал плечами и промолчал.

– Да, конечно, – ответила Галина Евгеньевна, – подъезжайте завтра к одиннадцати.

Как только автобус скрылся за поворотом дороги, забрав большую часть людей, к Ракитину подбежал Володя. Глаза его горели азартным блеском. «А ведь этот мальчишка, – подумал про себя Андрей Ильич, – по сути своей, настоящая ищейка. Взял след, и теперь его за шкуру не оттащишь».

– Андрей Ильич, я тут такие интересные подробности узнал!.. Разговорился с парнем, что работает у них системным администратором, компьютерной техникой обеих лабораторий заведует. Так вот, мне он рассказал, что недавно к нему подходил Саша Ивушкин и жаловался, что кто-то прислал ему на электронную почту письмо с угрозами. И очень просил узнать, кто именно мог это сделать.

– И как, узнал? – спросил Ракитин, почувствовав, как что-то встрепенулось в груди. Неужели наткнулись на что-то важное?

– Узнать – не узнал. Слишком хорошо шифровался аноним. Но зато одним глазком заглянул в это подозрительное послание.

– И что там было?

– Там были фотографии... – Володя замялся, подбирая слова, – как бы деликатнее выразиться? Интимного содержания. Ивушкин был запечатлен с некой юной особой в постели

в весьма недвусмысленном виде. А из текста письма явствовало, что если господин Ивушкин не отзовет свою заявку на участие в научной конференции в Копенгагене, то оргкомитет этой конференции получит данные фото в свое полное распоряжение.

Ракитин фыркнул:

– Чуть какая-то! И что бы это изменило? Ивушкина не выпустили бы на трибуну с докладом по генетике из-за его морального облика? Никогда не поверю! Это же Европа! Там же принято гордиться даже своими гомосексуальными связями на самом высшем уровне. Степень свободы сексуальных отношений достигла заоблачных высот, а иметь нормальную ориентацию стало даже неловко как-то. Ну, развлекся старший научный сотрудник на стороне. Ничего необычного и предосудительного не вижу. Вот если бы эти снимки прислали его жене, тогда была бы понятна угроза семейной жизни. Но я не понимаю, как это может отразиться на его научной репутации?

– Вы во многом правы, Андрей Ильич. Нравы в Европе действительно чересчур свободны во всем. И репутация Ивушкина от этих фоток никак не могла бы пострадать, если бы не одна маленькая деталь...

Володя хитро прищурился, наблюдая за наставником, который начал терять терпение. Иногда ему нравилось позлить своего шефа, помучить, сделав вид, что понял, узнал что-то важное раньше него.

– Ну, чего ты тянешь кота за хвост? – недовольно воскликнул Ракитин. – Какая еще деталь?

– На фотографиях была запечатлена с Ивушкиным несовершеннолетняя особа! А это педофилия, что даже не слишком отягощенная моралью Европа осуждает самым решительным образом. Попади эти фотографии в оргкомитет этой конференции, научная репутация Ивушкина была бы опорочена на международном уровне. Понимаете?

– То-то он так скоропалительно сбежал... – понимающе закивал лысой головой следователь. – Значит, был кто-то, что таким хитрым способом попытался перекрыть Саше кислород в научном мире. И мне почему-то кажется, что этим таинственным анонимом вполне мог быть наш любвеобильный Кочетов.

– Именно, Андрей Ильич! – воскликнул Хлебников. – Я тоже так подумал.

– Знаешь что, Володя: поезжай-ка ты завтра с утра на адрес убитого и пересмотри снова запись с камеры видеонаблюдения. Только смотреть надо задолго до убийства и после. Не попадется ли тебе некто, похожий на господина Ивушкина. Ведь убийца вполне мог заранее войти в подъезд и долго ждать хозяина квартиры где-нибудь между этажами. После ссоры с Ульяной он мог войти в квартиру, убить и снова спрятаться. И выйти мог спустя час или два. Там, когда приехала полиция, столько любопытных собралось, что смешаться с этой толпой было нетрудно. Кстати, надо проверить, есть ли там выход на чердак.

– Понял, Андрей Ильич! Вот только у меня нет фотографии Саши Ивушкина.

Хлебников закрутил головой по сторонам. Кладбище опустело, дождь прекратился, только ветер лениво шевелил кроны деревьев, растущих между оградами. Увидев Еву вместе с матерью и Пашей Николаенко, он направился в их сторону.

Парнишка, мужественно державшийся во время похорон, теперь рыдал, уткнувшись в плечо Светланы Геннадьевны, вздрагивая острыми плечами, всхлипывая и утирая текущие слезы рукавом рубашки. Его юная подруга сочувственно гладила его по спине, неловко пытаясь утешить. А старшая Ивушкина с заплаканным лицом, ставшим от слез еще более блеклым и бесцветным, прижимала к себе несчастного парня, что-то утешительное нашептывая ему на ухо. Отец его погиб, мать была в больнице, вокруг родного дома, которым для мальчишки был научный городок, творилось что-то странное. Так что понять его состояние было легко даже постороннему человеку.

– Извините, – Володя замедлил шаг, приближаясь к трогательной сцене, – Ева, можно тебя на минуту?

Девушка, одетая по случаю во все черное, с черной косынкой на светлых волосах, подняла на него удивленные голубые глаза, но подошла, бросив виноватый взгляд в сторону Пашки.

– Ева, у тебя в телефоне есть фотографии твоего отца? – спросил Володя.

– Да, конечно.

– Можешь мне скинуть одну из них на телефон?

– Могу. А зачем? Вы что, его искать собираетесь?

– Попробуем. Я отправлю запрос в систему «Умный город». Там же тысячи видеокамер. Наверняка какая-нибудь его засекла. Проверю базу данных аэропорта, вокзалов. Может быть, он покупал билет.

– Вам что, заняться больше нечем? Не тратьте время, а то еще найдете и, чего доброго, моя сердобольная мама его простит и пожалеет.

Володя усмехнулся такой логике, но покачал головой:

– Давай записывай мой номер.

Глава 6

Утром следующего дня Галина Евгеньевна с хозяйским видом вела Ракитина по кабинетам своей лаборатории. Комнаты, сверкающие стерильной чистотой, были заставлены сложным оборудованием, среди которого следователь узнавал современные электронные микроскопы, центрифуги, вытяжные шкафы с прозрачными пластиковыми стенками. На полках громоздились штативы с пробирками, колбы, заполненные разноцветными растворами...

– Похоже на химическую лабораторию, – произнес Андрей Ильич, оглядываясь по сторонам.

– А современный ученый-генетик должен быть и биологом, и биохимиком, и цитологом, и врачом, – ответила Галина Евгеньевна, не скрывая гордости. – Кстати, у нас тут самые мощные и современные компьютеры установлены.

– А компьютеры вам зачем? – удивился следователь. Ему не нравилась слишком казенная, какая-то неживая атмосфера в лаборатории. Почему-то казалось, что стоит принюхаться, как непременно уловишь сладковатый запах разлагающейся плоти, как в морге.

– Как зачем? Многие методики управляются компьютерными программами. А обработать полученные данные вообще без компьютера невозможно.

– Надо же... Впрочем, мои знания о генетике ограничены смутными воспоминаниями из школьного курса биологии о каких-то законах Менделя, о двойной спирали ДНК и генах.

– Ну, для человека, не имеющего отношения ни к медицине, ни к генетике, вполне приличный багаж знаний, – снисходительно улыбнулась научная дама.

Они заглянули в очередную комнату, где на столах стояли клетки с мышами. Маленькие белые грызуны встревоженно шевелили булавочными розовыми носиками, принюхиваясь к чужакам, вставляли на задние лапки, цепляясь передними с крохотными когтистыми пальчиками за прутья клеток. Ракитину показалось, что они молят его освободить их из заточения. Но он отмахнулся от этой нелепой мысли.

– Лабораторные животные, – прокомментировала Галина Евгеньевна. – Часть экспериментов мы проводим на них.

– А чем вообще занимается ваша лаборатория? Только, пожалуйста, Галина Евгеньевна, без сложных научных терминов, – попросил Ракитин, изобразив умоляющую гримасу.

– Мы много лет занимаемся проблемами наследственных болезней человека. Когда в начале века был расшифрован генетический код человека, как все мы, генетики, воспряли духом, какими надеждами были полны! Казалось, еще чуть-чуть – и человечество будет избавлено от огромного количества тяжелейших болезней, связанных с мутациями генов и хромосом. Надеюсь, из курса биологии вы помните, что молекулы ДНК в живой клетке упакованы в хромосомы? Так вот, появились методики, позволяющие из цепочки ДНК вырезать дефектные гены и вставлять на их место здоровые, полноценные.

– Прямо так и вырезать? – Ракитин сделал движение указательным и средним пальцами правой руки, будто он что-то разрезал ножницами.

– Ну, не ножом и не ножницами, конечно. Но действительно вырезать, удалять поврежденный ген или группу генов, тем самым избавляя человека от наследственного заболевания. Только моногенных наследственных болезней, связанных с дефектом всего одного гена, насчитывается около 5 000! И эти болезни неизлечимы. Даже если бы мы смогли справиться с этими 5 000 болезнями, это был бы огромный шаг вперед. Но человек – самое противоречивое существо на свете. Он делает революционный шаг вперед и тут же два шага назад, ограничивая себя самого всякими этическими нормами, моральными принципами. – Галина Евгеньевна недовольно нахмурилась. – Едва появились методики, позволяющие удалять больные гены из ядра половых клеток человека и клеток зародыша, как тут же приняли международ-

ные конвенции, запрещающие работу с эмбрионами человека. Но невозможно заменить гены-мутанты во всех клетках взрослого человека! А вот в одной клетке, если она является половой, вполне возможно. Провести оплодотворение этой уже здоровой клетки в пробирке и наблюдать, как развивается вполне здоровый зародыш. Ведь процедура экстракорпорального оплодотворения, так называемого ЭКО, сейчас весьма распространена и доступна. И на выходе получаем здорового ребенка, который всем последующим поколениям своих потомков будет передавать только здоровые гены. То же самое можно проделать с эмбрионом на самых ранних стадиях развития. Но, увы, это считается неэтичным. Да и экономически провести диагностику и технически несложную операцию по замене гена гораздо дешевле, чем всю жизнь лечить несчастного больного без надежды на полное излечение. Вы представляете, сколько стоит лечение, например, больного с гемофилией? Если даже простейшая манипуляция по удалению зуба может стоить ему жизни. И должна существовать целая служба обеспечения всем необходимым таких больных. А ведь этих безумных затрат можно было бы избежать.

Но ничего, скоро мы пробьем брешь в бетонной стене предрассудков и докажем, что законстенившие моралисты были неправы! Прогресс нельзя остановить. И однажды в мир с нашей помощью придет совершенный человек с девственно чистым геномом, каким он, наверное, был в эпоху, когда человечество жило в райском саду до момента изгнания оттуда. Геномом, свободным от мутаций и ошибок эволюции. Освобожденный от болезней человек сможет посвятить свою жизнь развитию, совершенствованию своих умственных и творческих способностей. Он будет жить не менее 120 лет.

Ракитин с изумлением наблюдал, как в глазах научной дамы разгорается странный блеск, голос звенит от воодушевления, а лицо становится упрямо-одухотворенным. Да она настоящий фанатик от науки! Такая сама пройдет по трупам, не то что перешагнет этические нормы и мораль. Ему стало неуютно в этих стерильно чистых кабинетах с несчастными мышками в клетках на лабораторных столах, захотелось выйти наружу, на свежий воздух.

– Значит, проблема только в этических нормах? – спросил он, продвигаясь к выходу в коридор.

– Не только, к сожалению. Если бы лет 10—15 назад мы знали столько, сколько сейчас! – в голосе Воронцовой мелькнуло сожаление. – Пойдемте, я покажу вам еще кое-что. Мы многого не знали тогда. Далеко не все генетические болезни связаны с повреждением одного гена. Гены взаимодействуют между собой, образуя ассоциации. И мы пока не знаем, по какому принципу эти ассоциации образуются. Кроме того, молекула ДНК содержит не только гены, несущие наследственную информацию. Гены перемежаются довольно большими участками, не несущими никакой наследственной информации вообще. Но ведь природа ничего не делает просто так! Зачем-то же нужны эти участки! И рано или поздно мы узнаем зачем.

Они прошли по длинному светлomu коридору, спустились по лестнице и вышли из здания. Яркое летнее солнце брызнуло в глаза так, что Ракитин на мгновение зажмурился. Как же хорошо было на улице! Захотелось подставить лицо теплomu ветру, напоенному ароматами леса, цветущих трав и садовых цветов. Но его провожатая чеканным шагом вела его вперед, к другому зданию, совершенно безликому, расположенному рядом с оранжереей.

– Это наш виварий, – произнесла она, распахивая тяжелую железную дверь. – Здесь у нас располагаются экспериментальные животные. Из-за ограничивающих моральных норм мы работаем, как и сто лет назад, на животных.

Внутри свет проникал из расположенных под потолком узких окошек, освещая просторное помещение. Вдоль стены тянулись небольшие загончики, в которых Андрей Ильич с удивлением узнавал овец, коз, кроликов, свиней. В памяти тут же всплыла картина какой-то сельскохозяйственной выставки, на которую однажды забрел Андрей Ильич в поисках настоящего лесного меда. Животные, заведя посетителей, поднимали головы и приветливо блеяли, хрюкали, мычали. Возле одного из загонов Ракитин остановился, рассматривая странную козу.

Необычной была ее шерсть. Участки грубой короткой белой шерсти перемежались с обширными участками длинной мягкой шелковистой, какая бывает у тонкорунных овец.

– Это химера овцы и козы, – прокомментировала Воронцова, заметив любопытство следователя, – любимица и продукт научных изысканий господина Стародубцева. Видите, какая у нее шерсть? Добавьте к вполне приемлемому мясу и полезному молоку довольно большое количество прекрасной мериносовой шерсти и получите мечту любого фермера! Стопроцентный экономический эффект. Вот только у Николая Сергеевича пока никак не получается добиться ровного шерстяного покрытия. Шерсть растет клоками. Но Стародубцев не унывает!

Они свернули за угол и вошли в небольшую комнату, по стенам которой располагались стеллажи с клетками. Ракитин невольно поежился, увидев в клетках черных крупных длиннохвостых грызунов, всполошившихся и тревожно зашевелившихся по клеткам при появлении незваных гостей.

– А вот это уже наши питомцы, – Галина Евгеньевна указала рукой на клетки, как указывает экскурсовод на произведения искусства в музее. – Обратите внимание на этих крыс.

– А что с ними не так? – спросил он, разглядывая зверьков, стараясь не подходить близко к клеткам. Как и большинство обычных людей, Андрей Ильич испытывал иррациональное отвращение к этим животным. – Крысы как крысы, с толстыми голыми хвостами.

– Ничего необычного не замечаете?

– Нет... Ничего... Постойте, а почему у них глаза белые? – зверьки таращились на него бельмами слепых глаз и настороженно шевелили тонкими нитями усов, приносясь. От этих мертвых невидящих взглядов стало зябко и неудобно.

– Потому что все они страдают катарактой, помутнением хрусталика глаза, с весьма раннего возраста. Эмбрионам этих крыс мы удалили патологические гены, определяющие развитие тяжелого заболевания сердца, заменив его на здоровый ген. Но у всех этих животных возникла катаракта. И мы пока не знаем почему. Пойдемте вот туда, там еще интереснее.

Они прошли через узкий проход в соседнее помещение, где в просторных вольерах размещались свиньи. Но свиньи эти были необычными. У Андрея Ильича глаза полезли на лоб, когда в мягком сумраке он рассмотрел, что милые розовые хрюшки передвигаются ползком на вывернутых, распухших, изуродованных суставах.

– Господи, бедные животные! – воскликнул он, невольно отшатнувшись от ужасного зрелища. – Что вы с ними сделали?

– Ничего особенного, – безразлично пожала плечами Галина Евгеньевна. – Мы избавили их от тяжелейшей наследственной формы рака. Каким образом избавление от одной болезни способствовало возникновению полиартрита, другой, не менее тяжелой болезни, мы не знаем. Пока не знаем. Но уже ясно, что все гораздо сложнее, чем мы раньше думали. Взаимодействия генетического материала в молекулах ДНК куда сложнее, запутаннее, чем нам казалось сначала. Чем больше мы узнаем, тем медленнее движемся вперед. Генетика – наука будущего. Впереди нас ждут великие открытия, но я, к сожалению, до них уже не доживу.

– Давайте выйдем на воздух, – пробормотал Андрей Ильич, оттягивая ворот рубашки, – что-то душно у вас тут.

От вида несчастных монстров с исковерканными суставами и слепыми глазами ему стало не по себе, ужасно захотелось курить. Выйдя на улицу, Ракитин захлопал себя по карманам в поисках пачки сигарет.

– Курить вредно, уважаемый господин следователь, – с насмешливой улыбкой произнесла прописную истину Воронцова, снисходительно глядя на неуклюжие попытки того прикурить. Руки Андрея Ильича слегка дрожали.

– Я знаю, но от вида этих ваших хрюшек... – он судорожно втянул в себя сигаретный дым, почувствовав облегчение.

– Ну что вы, Андрей Ильич, это еще цветочки! Вот если бы нам удалось осуществить один наш проект, который тоже зарубили на корню по этическим соображениям...

– Что за проект? – полюбопытствовал Ракитин, внутренне поежившись. От всех проектов этой лаборатории сквозило почему-то потусторонней жутью.

– Реализация этого проекта могла бы полностью решить проблему трансплантации органов. Пока мы бьемся над проблемой выращивания органов для трансплантации, подсаживая человеческие стволовые клетки в тело свиней или овец, превращая их в инкубаторы. Мы могли создать из человеческого эмбрионального материала существо, нет, не человека, а получеловека, не обладающего человеческим сознанием, а лишь человеческим телом, содержащим весь набор необходимых органов. Вы только представьте: две полноценные почки, нормальная печень, здоровое сердце, легкие... – Галина Евгеньевна стала загибать пальцы с холеными ногтями с красивым маникюром. – Одно такое человекоподобное существо могло бы сохранить жизнь нескольким тяжелобольным людям! Ведь для трансплантации могут пригодиться и кости, и кожа, и роговица глаза.

Ракитин представил себе такого монстра и поморщился.

– Получеловек? Человекоподобное существо?..

– Ну, ушлые журналисты придумали бы этому существу запоминающееся звучное название. А сколько было бы пользы! Достаточно было бы лишить это существо функций высшей нервной деятельности, человеческого сознания, и оно представляло бы собой животное, генетически идентичное человеку.

– Но это уж точно было бы аморально! – воскликнул следователь, докуривая сигарету до самого мундштука.

– А не аморально обрекать несчастных больных мучительно умирать от почечной или печеночной недостаточности, от сердечной недостаточности или жить в состоянии постоянного удушья от того, что легкие не могут наполниться кислородом? И при этом знать, что достаточно переступить условную черту и через несколько лет проблема будет решена. Это не аморально, по-вашему?

– Не знаю... Мне трудно судить, я не специалист в этой области, – замылся Андрей Ильич под требовательным взглядом железной леди. – Вы лучше скажите, а чем занимаются ваши соседи-конкуренты?

– Лаборатория господина Стародубцева занимается зарабатыванием денег, – скорчив презрительную мину, ответила Воронцова. – Они с помощью генной инженерии создают новые сорта сельскохозяйственных растений и животных по заказу Министерства сельского хозяйства или крупных агрофирм. Подсаживают нужный ген в ДНК зародыша пшеницы и получают засухоустойчивую пшеницу. Нужно вам выращивать кукурузу у полярного круга? Пожалуйста, лаборатория Стародубцева подсадит ген морозоустойчивости в зародыш кукурузы за определенную плату. Николай Сергеевич у нас коммерсант от науки. Он выгоду носом чует и этим же носом умеет рыть землю в поисках выгодных заказов. Но на мой взгляд, наукой это назвать трудно. Ничего нового, революционного они за все годы существования не создали.

– Если он так коммерчески успешен, этот ваш конкурент Стародубцев, то в чем суть конфликта между двумя лабораториями?

– В зависти! Он нам завидует черной завистью, ведь имена наших сотрудников звучат на крупных международных конференциях, на работы нашей лаборатории ссылаются ученые всего мира, нас уважают! А спросите в научном сообществе, кто такой Стародубцев? Никто его не знает. Вот он и завидует нашему положению, нашему статусу и подличает, подключает свои связи, чтобы выгодный грант уплыл из наших рук.

Галина Евгеньевна уставилась куда-то за спину Ракитина и, криво усмехнувшись, произнесла:

– О, легок на помине! Вот и сам господин Стародубцев идет в нашу сторону. С вашего позволения, я откланяюсь. Не хочу встречаться с этим человеком.

– Спасибо за экскурсию, – пробормотал Андрей Ильич уже в спину уходящей собеседницы и вдруг неожиданно спросил: – Галина Евгеньевна, скажите, а сами вы где были в день убийства Кочетова?

Та остановилась и обернулась. Ее лицо искажала кривая надменная усмешка.

– Я до позднего вечера была в лаборатории. Можете спросить у кого угодно. Вам подтвердят мои слова полтора десятка свидетелей.

– Спасибо, вы очень любезны, – кивнул Ракитин, и железная леди удалилась, высокомерно выпрямив спину.

Андрей Ильич внимательно смотрел на высокого сутулого мужчину, что шел прямо на него, и, когда тот поравнялся с ним, громко спросил:

– Стародубцев Николай Сергеевич?

– Он самый, – ответил тот, останавливаясь и с любопытством рассматривая лысого полноватого незнакомца.

– Следователь Ракитин, – представился Андрей Ильич, – я расследую убийство Юрия Кочетова.

– А-а, понятно. Я видел вас вчера на кладбище. Печальная история, очень печальная, – Стародубцев закивал головой, изобразив на лице дежурно-согласительное выражение. – Чем могу быть полезен?

– Как вы думаете, кто мог его убить?

Стародубцев удивленно уставился на Андрея Ильича, подняв брови.

– Да откуда же мне знать? Я, конечно, знал Юру, мы все тут друг друга знаем. Что и понятно, ведь работаем под одной крышей. Но личной дружбы с ним не водил.

– Ну а что думают ваши сотрудники? Ведь наверняка сплетни всякие ходят.

– Я сплетнями, знаете ли, не интересуюсь! – Несколько секунд Николай Сергеевич изображал из себя оскорбленную невинность, но под испытующим взглядом следователя отбросил маску: – Ну, поговаривают, что это может быть связано с его амурными похождениями. Вам наверняка уже рассказали, что наш Юрочка был охоч до слабого пола. Он даже умудрился вскружить голову парочке моих лаборанток, стервец... Но, честно говоря, я в это не верю. Шекспировские страсти в двадцать первом веке? Не верю.

– А с работой это могло быть связано?

– С работой? – светлые глаза непонимающе взглянули на Ракитина. – Каким образом убийство может быть связано с работой?

– Ну, то, чем Кочетов занимался в лаборатории?

– Я понятия не имею, чем конкретно Кочетов занимался в своей лаборатории. Но грифа секретности на всех их исследованиях не было, это точно.

– Николай Сергеевич, я слышал, что между вашими двумя лабораториями существует конкурентная борьба...

Ракитин не успел закончить фразу, когда собеседник его усмехнулся и перебил:

– Что там вам наплела мадам Воронцова? Удивительная она женщина! Если вам нужно накопать компромат на кого угодно – идите прямиком к ней. Она наговорит гадостей про любого, даже про тех, кого не знает.

– Ну что вы, – немного смутился Ракитин, почувствовав себя неисправимым сплетником, пойманным на месте преступления, – про вас она ничего плохого не сказала. Наоборот, сказала, что вы сделали вашу лабораторию коммерчески успешной, что у вас талант получать выгодные заказы.

Стародубцев искренне засмеялся:

– Представляю, КАК она это сказала! Галина Евгеньевна в своем репертуаре! Все пытаются уличить меня в зависти и подлости.

– А что, вы не завидуете своим соседям на самом деле? – поинтересовался Ракитин.

– Было бы чему завидовать! Да, наша лаборатория занимается преимущественно прикладной наукой. Мы проводим разработки для конкретных сельхозпроизводителей и получаем за это приличные деньги. Не всем же быть Эйнштейнами от генетики. А господин Разумовский со своими сотоварищами строят из себя героев-первопроходцев, да только результатов-то нет никаких. Знаете притчу про мальчика, который кричал: «Волки! Волки!»? Так и у Разумовского. Они долго кричали, что находятся на пороге великого, гениального открытия. Все с нетерпением ждали, ждали. В конце концов устали ждать. И деньги им на исследования с каждым годом выделяют все менее охотно. А они же гордые, чтобы взяться за экономически выгодную работу. Им, видите ли, неинтересно работать на крупные фармацевтические корпорации и разрабатывать способы получения каких-нибудь вакцин или биопрепаратов. А сидеть без денег интересно? Я недавно, года три назад, даже предлагал Георгию Ивановичу выгодный контракт с фирмой-производителем детского питания. Надо было подсадить человеческий ген, ответственный за производство молочного белка, в эмбрион козы. Отказались! За работу взялась другая лаборатория. И вот результат: на ферме козы благополучно дают молоко, по своим свойствам максимально близкое к женскому грудному молоку, а фирма готовит из него детское питание. А господин Разумовский бегаёт по инстанциям с протянутой рукой, выпрашивая деньги на финансирование своих загадочных исследований, от которых никому нет никакого прока. Так что, уважаемый следователь, завидовать тут абсолютно нечему. А теперь, когда Разумовский потерял троих своих ведущих сотрудников, вообще лабораторию прикрыть могут. Поэтому я не завидую, а сочувствую нашим неудачникам от науки.

Ракитин хмыкнул, размышляя про себя, кто же кому все-таки завидует, и протянул руку собеседнику:

– Спасибо, что согласились со мной поговорить.

– Да, пожалуйста. Рад бы помочь следствию, вот только нечем особенно, – добродушно улыбнулся Стародубцев, отвечая на рукопожатие.

Возвращаясь домой на машине Следственного комитета, Андрей Ильич прокручивал в голове сказанное и Стародубцевым, и Воронцовой. Картина происходящего только запутывалась. Полученная информация ни на шаг не приближала к разгадке убийства Юрия Кочетова и странного бегства Ивушкина. Да и связаны ли они между собой? Может быть, это простое совпадение? Ведь трагическая гибель Миши Николаенко точно была простым совпадением. Но время и место событий, привязка их к загадочной лаборатории, укрытой от посторонних глаз густыми лесами и шлагбаумом, подрывали веру в простое и такое желанное стечение обстоятельств.

Глава 7

Андрей Ильич включил чайник и полез в холодильник. На четырех полочках сиротливо лежали подсохший кусок сыра, начатая пачка сливочного масла и две сосиски. В пластиковом ящичке для овощей скучал подвявший пучок салата. Ракитин обреченно вздохнул. Сунув сосиски в микроволновую печь, он с трудом отрезал кусок от черствой булки.

Одиноким холостяцкий быт иногда донимал его. Одно время он заказывал через интернет готовые обеды сразу на неделю. Вроде бы и вкусно, и удобно. Но сложенные друг на друга в холодильнике белые пластиковые ланч-боксы вызвали устойчивую ассоциацию с маленькими аккуратными гробиками, и аппетит у Андрея Ильича начисто пропадал. Пришлось вернуться к традиционным способам и готовить самому, на что никогда не хватало времени.

Периодически остро хотелось домашнего уюта, жениных пирогов по выходным, разогретого к его возвращению с работы вкусного ужина. Но далеко не все жены терпеливо сопровождают своих мужей с такой специфической профессией до самой старости. Вот и его Мария Михайловна устала. Разошлись они давно, лет пятнадцать назад, когда Семён школу закончил. Теперь у нее другая семья. Но отношения с прежним мужем поддерживает. Они поздравляют друг друга с праздниками, встречаются на дне рождения сына. Нет, жаловаться Андрею Ильичу было не на что. Но тоска временами одолевала, и хотелось снова вернуться на работу, в свой привычный кабинет, погрузиться в разгадывание загадок чужих жизней, чтобы не думать о пустоте собственной.

Он достал тарелку с сосисками и поставил ее на стол. Только щелкнула кнопка на вскипевшем чайнике, как раздался телефонный звонок.

– Поесть спокойно не дадут! – проворчал недовольно Ракитин, но тут же весь подобрался, увидев на экране телефона имя своего молодого помощника. – Да, Володя?

– Андрей Ильич, вы сейчас где? – донесся из динамика возбужденный голос Хлебникова.

– Дома. Что-то случилось?

– Очень интересная информация. Я сейчас недалеко от вашего дома. Можно к вам зайти?

– Нужно, Володя, нужно, если есть интересная информация!

Спустя пару минут практикант уже стоял на пороге, протягивая шефу пакет с магазинными пирожками.

– Чаем угостите, Андрей Ильич? А то я что-то сегодня такой голодный, не иначе от избытка адреналина в крови, – сказал он, проходя на кухню, улыбаясь и потирая руки в предвкушении чаепития. Он с интересом оглядывал скромную холостяцкую квартиру шефа. То, что в этом доме нет даже признаков присутствия женщины, он ощутил как-то особенно остро, когда взгляд его остановился на двух сосисках, сиротливо лежащих на тарелке. – Тут такое произошло!

– Владимир, прекрати говорить загадками! – Ракитин с недовольным стуком поставил чайник на стол перед гостем и разложил сосиски по двум тарелкам. – Свой адреналин весь израсходовал, теперь за мой взялся? Садись ешь и рассказывай, что произошло.

– А произошло вот что. Я на всякий случай проверил базы данных всех вокзалов и аэропорта. Ивушкин не выезжал из города на этих видах транспорта. Ответ на запрос в систему «Умный город» я пока не получил. А сегодня, пока я просматривал запись с камеры видеонаблюдения и никого хоть отдаленно напоминающего Ивушкина не обнаружил за весь день, мне позвонил Осипов, оперативник из 17-го отделения. Ну, помните, он со своими коллегами первыми прибыли на место преступления. Так вот, сегодня к нему пришел один из жителей злополучного подъезда. Этот товарищ периодически, далеко не каждый день, проверяет свой почтовый ящик, потому что ничего, кроме рекламногохлама, там не бывает. Сегодня утром по пути на работу он проверил ящик и обнаружил там... – Володя сделал многозначительную

паузу, отчего Ракитину захотелось отвесить вредному мальчишке подзатыльник, но он сдержался. – Кухонный нож в пятнах засохшей крови!

Андрей Ильич устало опустил на стул. Вот это новость!

– Значит, наш убийца сбросил оружие убийства по дороге с места преступления.

– А я-то все мусорные урны перерыл, в мусоропровод чуть не провалился! Нож-то узкий, да и замок почтового ящика был сломан. Ох и хитрая сволочь этот убийца!

– Нож уже у экспертов? – встревожился следователь. Теперь, когда основная улика была у них, важно было как можно быстрее отработать отпечатки пальцев.

– Обижаете, Андрей Ильич! – театрально возмутился Хлебников, уплетая пирожок. – Я первым делом рванул к экспертам, они уже работают. А к вам я заехал за вашим планшетом. Надо отправить экспертам отпечатки пальцев Свиридовой. Я почему-то подумал, что вам будет сложно это сделать.

– Правильно подумал, Володя. Я с этой компьютерной техникой некрепко дружу. – Он грузно поднялся со своего места и поспешил в коридор, где оставил папку с планшетом. Вернувшись, протянул планшет помощнику: – Давай отправляй быстренько экспертам.

– Дайте хоть чай допить, Андрей Ильич! – взмолился Хлебников с полным ртом.

– Чай от тебя никуда не денется, а эксперты ждать не будут. Вот уйдут домой, и будем мы с тобой тут расходовать свой адреналин на холостых оборотах до завтрашнего утра.

Володя, продолжая жевать пирожок, наспех вытер руки салфеткой и взялся за планшет. Через минуту файл с отпечатками пальцев подозреваемой отправился на электронную почту к экспертам. А спустя еще несколько минут следователь и его помощник уже знали, что на обнаруженном в почтовом ящике оружии убийства были отпечатки пальцев Ульяны Свиридовой.

Глава 8

– Свиридова Ульяна Владимировна, вы задержаны по обвинению в убийстве Юрия Кочетова, – с деревянным лицом совершенно механическим голосом произнес старший лейтенант полиции.

А Володя Хлебников подумал, что вот таким же голосом с такими же интонациями мог бы произнести эту фразу робот-полицейский. Машина, она и есть машина! У него самого сердце жалобно сжалось при виде изумленно-растерянных глаз Ульяны. Неужели она и вправду убийца?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.